

заметно выросли. Об этом свидетельствует обсуждаемое с 1976 г. предложение включить в программу шведских гимназий новый предмет — культоведение (kulturkip-skär). «Гимназия нуждается в этнологии» — так озаглавлена одна из дискуссионных статей нынешнего года⁵².

При всех этих переменах интерес к традиционной крестьянской культуре сохранился, но испытал воздействие новых идей и подходов. Внимание этнографов теперь больше прежнего нацелено на увязывание культурных явлений, в частности, крестьянского мировоззрения, с социальными процессами — явный показатель влияния исторического материализма⁵³.

⁵² Cp. Rig, 1982, № 3, s. 70—73.

⁵³ Löfgren O. World-Views: A Research Perspective.— *Ethnologia scandinavica*, 1981, p. 21—35.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

А. Г. Вишневский. Воспроизводство населения и общество. История, современность, взгляд в будущее. М.: Финансы и статистика, 1982, 287 с.

Демограф А. Г. Вишневский предпринял интересную попытку теоретически рассмотреть демографическую историю человечества — эволюцию рождаемости, смертности и воспроизводства населения в целом — с доисторических времен до сегодняшнего дня, объяснить некоторые современные демографические проблемы и заглянуть в будущее, исходя из опыта прошлого.

Советские ученые довольно часто обращаются к исследованию вопросов истории брака, семьи, семейных отношений, изучают динамику численности, национальный состав и социальную структуру населения, потери в войнах; история же специфических демографических процессов пока привлекает гораздо меньше внимания, а обобщающих работ по этим вопросам практически и вовсе нет. Вот почему в книге А. Г. Вишневского, написанной прежде всего с позиций демографа, историки найдут много нового для них материала — и не только отдельных, неизвестных ранее фактов, а, возможно, даже целую неизвестную им область. И нет сомнения, что знакомство с этим материалом, вдумчиво отобранным и систематизированным, в хорошей манере поданным, будет способствовать изменению прежних представлений не только о демографических процессах в прошлом и настоящем, но и о значении демографических исследований для исторической науки.

На протяжении всей книги автор строго придерживается *системно-исторического* подхода к демографической реальности. В рамках этого подхода он формулирует основную идею своего исследования — концепцию исторических типов воспроизводства населения. В соответствии с ней все демографическое развитие человеческого общества представляется как история трех типов воспроизводства населения — архетипа, традиционного и современного (рационального) типов — и двух демографических революций, в результате которых совершается переход от одного типа к другому (с. 49). Каждый из трех типов воспроизводства населения соответствует определенной ступени развития общества: архетип господствует в доклассовом обществе с присваивающей экономикой; традиционный тип преобладает в аграрных докапиталистических классовых обществах; переход к современному типу в мировом масштабе начинается при капитализме с превращением аграрной экономики в индустриальную, но в целом — это тип воспроизводства населения будущего бесклассового общества.

Видное место в предлагаемой концепции занимают понятия «демографический гомеостаз» и «демографические отношения». *Демографический гомеостаз* — это устойчивое равновесное состояние «демографической системы» (т. е. населения, рассматриваемого с точки зрения его непрерывного возобновления) в ее взаимодействии со средой. По мысли автора, гомеостаз проявляется в том, что «устойчивость демографических процессов оказывается гораздо большей, чем устойчивость внешних по отношению к демографической системе условий, а в функционировании этой системы имеются существенные элементы упреждения, не допускающие назревания конфликта между демографической и другими подсистемами социального целого, чреватого необратимым нарушением демографического равновесия» (с. 19). Заметим, что представления о демографическом гомеостазе высказывались А. Г. Вишневским и прежде и вызвали возражения со стороны ряда исследователей. Так, В. И. Козлов писал, что состояние „демографического гомеостаза“, если оно и появлялось, то было не правилом, а исключением¹. Однако аргументация А. Г. Вишневского в пользу демографического гомеостаза, существенно усиленная в рецензируемой работе, представляется нам убедительной. В самом деле, трудно понять, почему такая сложная социальная система, как население, может быть лишена столь важного системного свойства, как гомеостаз; как показано, в книге им обладали даже популяции животных.

Демографический гомеостаз поддерживается благодаря существованию в каждом обществе устойчивых *демографических отношений*, т. е. специфических социальных «от-

¹ Козлов В. И. К вопросу о роли демографических факторов в истории.— В кн.: Численность и классовый состав населения России и СССР (XVI—XX вв.). Таллин, 1979, с. 11.

ношений по поводу создания и сохранения жизни себе подобных» (с. 37). Эти отношения, учитывающие объективные условия поддержания демографического равновесия и отражающие интересы социального целого, регулируют поведение людей в вопросах отношения полов, брака, рождения детей, охраны здоровья и жизни человека и т. п. (автор особо оговаривает несводимость демографических отношений к семейным — с. 37). На протяжении истории демографические отношения меняются, каждому новому их типу соответствует своя культура, своя система ценностей и норм демографического поведения.

Историзм в понимании демографических отношений и определяемого ими демографического поведения составляет одну из наиболее привлекательных сторон книги. Сейчас еще нередко полагают, что это поведение — по крайней мере некоторые его виды, скажем поведение по отношению к смерти, — на протяжении истории существенно не менялось. Тем более интересно стремление автора не ограничиваться статистическим анализом изменений смертности, а показать историческую динамику *самого отношения* человека к смерти и соответствующего — он называет его «витальным» — поведения, выявив генеральную тенденцию этой динамики, очень глубокие социально-исторические основания происходящих перемен (с. 98—107).

Не менее любопытен — и убедителен — анализ исторических перемен в демографических отношениях по поводу рождения детей и в самом прокреационном поведении людей. Автор стремится уйти от привычных, но лежащих на поверхности объяснений этих перемен (например, экономической ненужности детей в наше время) и понять глубинные различия в самом типе, в структуре мотивации поведения нашего современника и человека прошлого (с. 154—169).

Демографические отношения соответствуют исторически определенным условиям жизни людей. Когда в результате социально-экономического развития эти условия меняются, меняются и демографические отношения, а вместе с тем и весь тип воспроизводства населения. Такие изменения носят революционный характер и приводят к восстановлению постоянно нарушаемого (вследствие непрерывного преобразования человеком социальной и природной среды) равновесия между населением и средой.

Для историка и этнографа в предлагаемой концепции существенно то, что воспроизводство населения рассматривается в ней как компонент образа жизни, как ценностная обусловленность, а семья как непосредственный и важный орган управления воспроизводством населения, который находится под верховным контролем общества.

Концепция исторических типов воспроизводства населения (изложенная автором впервые в статье в журнале «Вопросы философии», 1973, № 2, а позднее развитая в монографии «Демографическая революция». М., 1976), имеет глубокие связи с современной демографической литературой. Можно назвать ряд отечественных и зарубежных авторов, внесших немалый вклад в исследование той же проблематики с марксистских позиций, например, А. Я. Квашу и Я. Н. Гузеватого в СССР, З. Павлика в Чехословакии, П. Калатбари в ГДР. Однако само понятие типа воспроизводства населения у предшественников А. Г. Вишневского оставалось нечетким, несколько расплывчатым; тип воспроизводства не рассматривался как исторический, как присущая каждому определенному этапу развития общества историческая форма демографического воспроизводства. Можно сказать поэтому, что А. Г. Вишневский, широко используя многие идеи, развивавшиеся в течение нескольких десятилетий как зарубежными, так — особенно в последнее время — и советскими демографами, сформулировал свою концепцию впервые и вполне самостоятельно.

С нашей точки зрения эта концепция плодотворна и перспективна. Надо, однако, верно понять, какое место она может занять в развитии историко-демографических исследований. Во введении к своей предыдущей книге автор отмечал, что предлагаемая им схема «так же, как и всякая схема, упрощает действительность и позволяет лишь в самых общих чертах объяснить конкретные особенности воспроизводства населения в разные эпохи и у разных народов»². Этих «общих черт», конечно, не всегда достаточно. В работах А. Г. Вишневского намечено важное научное направление, но движение в этом направлении может быть успешным лишь в том случае, если удастся «состыковать» *концептуально-схематический подход*, характерный для рецензируемой книги, с конкретными исследованиями историков, этнографов и демографов и благодаря этому преодолеть отмеченное «упрощение действительности». Тогда, может быть, появятся ответы и на ряд вопросов, которые возникают при чтении книги.

Триада А. Г. Вишневского: старый тип воспроизводства населения — демографическая революция — новый тип воспроизводства — хорошо действует только в новое время, при переходе от традиционного типа к современному. И то, что это показано на большом статистическом материале, относящемся к XVII—XX вв., следует признать большой заслугой автора. Приложение же данной схемы к демографическому развитию более раннего времени пока не столь убедительно, возможно, ввиду объективного дефицита данных об архетипе и первой демографической революции и потому справедливо рассматривается автором как гипотеза (с. 58—59).

Но есть еще вопрос о том, была ли эта революция первой. Не следует ли выделить и такую демографическую революцию, которая положила водораздел между воспроизводством популяций в природе — в первобытном человеческом стаде — и в человеческом обществе? Ведь автор сам говорит о необыкновенной важности переворота, обусловленного тем, что регулирование размножения популяций людей «становится... функцией не биологического, а социального развития» (с. 28). С другой стороны, он слишком поспешно, на наш взгляд, проводит демаркационную линию между царством

² Вишневский А. Г. Демографическая революция. М., 1976, с. 7.

природы и царством человека и недооценивает роль биологических, естественных механизмов воспроизводства населения на ранних этапах демографической эволюции.

Дальнейшее расширение круга источников и фактов, — а оно необходимо, — вообще говоря, может привести к некоторой модификации всей схемы, к усовершенствованию типологии воспроизводства населения. В ней, вероятно, появятся дополнительные или промежуточные типы, подтипы, подгруппы и т. п. Тогда исчезнет однотонность слишком обобщенного описания — сейчас, к примеру, в прокрустово ложе единого традиционного типа попадают и античные цивилизации Греции и Рима, и средневековая Европа, и Россия XIX в. — тогда демографическая история засияет яркими красками полнокровной жизни.

В заключение еще раз подчеркнем, что исследование А. Г. Вишневого является новаторским, оно вносит большой вклад в развитие исторической демографии — науки, которая в СССР только-только начинает развиваться. Его концепция исторических типов воспроизводства населения обобщает накопленные исследователями данные и одновременно служит толчком для дальнейших исследований в этой области. Некоторые пока слишком абстрактные построения А. Г. Вишневого, совершенно естественные для первой попытки создания схемы демографической эволюции человеческого общества, не зачеркивают ни его концепции в целом, ни ее основополагающих принципов. Со временем, по мере привлечения большего количества данных, будут совершенствоваться критерии выделения исторических типов воспроизводства населения, уточняться их число и специфика и соответственно число и специфика демографических революций, что существует всей концепции, однако, подрывать не будет.

Книга А. Г. Вишневого — яркий пример актуальности исторического анализа — лучше всяких логических выводов доказывает крайнюю важность исторических, и в частности этнографических, исследований для современности. Книга убеждает в том, что ответить на самые жгучие вопросы сегодняшнего дня (а демографическая проблема сегодня именно такая жгучая проблема) нельзя, если не обратиться к истории и не создать теорию демографических отношений на основе исследования истории развития этих отношений. Как известно, значение демографической теории в значительной мере определяется ее способностью объяснить существующие демографические проблемы и прогнозировать течение демографических процессов. Истолкование в книге реальных демографических явлений сегодняшнего дня как в нашей стране, так и за рубежом обнадеживает относительно прикладного значения концепции исторических типов воспроизводства населения. Можно надеяться, что активное использование данной концепции для демографического прогноза и определения основных направлений демографической политики даст хорошие результаты, ибо нет ничего практичнее хорошей теории.

Б. Н. Миронов

Памятники культуры народов Европы и Европейской части СССР. — Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XXXVIII/Отв. ред. Т. В. Станюкович. Л.: Наука, 1982, 206 с.

В очередной сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (МАЭ) вошли 13 статей и справочный каталог коллекций отдела Европы МАЭ, подготовленные, в основном, силами восточнославянского сектора Ленинградского отделения ИЭ АН СССР. Наличие в сборнике каталога вещественных памятников по этнографии народов Восточной и Западной Европы обусловило тематическую и региональную направленность большинства статей. В центре их внимания — проблемы научной классификации и типологизации вещественных памятников, методологические и теоретические вопросы, связанные с изучением различных элементов и форм культуры, преимущественно восточноевропейских народов, а также слабоизученные вопросы источниковедения. К группе статей источниковедческого характера примыкает не публиковавшаяся ранее статья крупнейшего отечественного этнографа Д. К. Зеленина «Терминология лапотного дела».

Несомненного внимания заслуживает теоретическая разработка А. К. Байбурина «Некоторые вопросы изучения объективированных форм культуры (К проблеме этнографического факта», где автор, на наш взгляд, совершенно справедливо оценивает традиционное членение культуры на материальную и духовную сферы как непродуктивное при изучении традиционно-бытовой сферы человеческой жизнедеятельности как целостного, единого организма; как затрудняющее развитие понятийного уровня этнографического знания. Именно отсутствие единой методики описания конкретных объективированных форм этнической культуры, а также унифицированного описания и интерпретации этнографического факта привели к несопоставимости результатов разысканий в различных областях культуры. Определение сущности понятия «этнографический факт», по мнению автора, является основной проблемой во всех сферах этнокультуры. Этнографический факт рассматривается автором с точки зрения его двуединой семиотической природы: «...любая вещь, используемая человеком, обладает двуединой природой в том смысле, что она может быть использована и как собственно вещь, и как знак» (с. 13). Смысл вещей меняется в зависимости от характера связей, возникающих при их использовании. Из всех типов связей, названных автором, выделим последний — «связи и отношения между самими объективированными формами культуры». Автор своевременно делает акцент на тех нестандартных типах связей в предметной области